

Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение
«Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Блохин Павел Дмитриевич

**МЕТОДЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
СУДЕБНОГО КОНСТИТУЦИОННОГО НОРМОКОНТРОЛЯ
(СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Специальность: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Москва – 2026

Работа выполнена в Федеральном государственном научно-исследовательском учреждении «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»

Научный консультант: *Князев Сергей Дмитриевич*, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры административного и финансового права Юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Официальные оппоненты: *Брежнев Олег Викторович*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права Юридического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»; *Клишас Андрей Александрович*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права и государства Юридического института ФГБОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»; *Нарутто Светлана Васильевна*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина».

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева»

Защита состоится «02» июля 2026 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета 02.1.002.02 при ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» по адресу: 117218, г. Москва, Б. Черемушкинская ул., д. 34, зал заседаний диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» по адресу: 117218, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34 и на сайте ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»: <https://izak.ru/science/dissertatsionnye-sovety/dissertatsii/>.

Автореферат разослан « ____ » мая 2026 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор юридических наук, профессор

Н.А. Поветкина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Конституционное правосудие в России сегодня становится все более востребованным средством правовой защиты конституционных ценностей, в ряду которых Основной Закон страны признает высшей ценностью человека, его права и свободы. Наглядным подтверждением этому служит преимущественно растущее в последние годы число обращений в Конституционный Суд Российской Федерации (в 2021 году – 11 828 обращений; в 2022 – 12 933; в 2023 – 12 540; в 2024 – 13 258; в 2025 – 11 098) и, соответственно, заметно возросшее число принимаемых Судом в форме постановлений итоговых решений (в 2021 году – 55 постановлений; в 2022 – 59; в 2023 – 60; в 2024 – 59; в 2025 – 51).¹ В числе факторов, объясняющих описанную динамику, можно предположить следующие: отставание правотворчества и правоприменения от стремительно развивающихся общественных отношений и сопутствующих им вызовов национального и глобального масштаба; вынужденный отказ в 2022 году российского государства от участия в системе конвенционного надзора в рамках Совета Европы и устранение конституционным законодателем с 2023 года института конституционного (уставного) контроля в субъектах РФ; повышение осведомленности населения в целом и юридического сообщества в частности о механизмах конституционного правосудия и его эффективности; ряд других факторов, не поименованных здесь.

Кроме того, можно наблюдать тенденцию увеличения роли конституционного правосудия в политико-правовой системе страны, что выражается, с одной стороны, в концентрации конституционно-контрольных полномочий у федерального Конституционного Суда, а с другой стороны, в его активном участии в замещении межгосударственных инструментов защиты прав и свобод человека внутринациональными. На нормативном уровне это подтверждается как признанием Конституционного Суда РФ *«высшим [курсив мой – П.Б.] судебным органом конституционного контроля»*, так и наделением его полномочием по оценке конституционной исполнимости решений международных судебных и квазисудебных органов, а равно включением предварительного конституционного

¹ Официальный сайт Конституционного Суда РФ (<https://www.ksrf.ru/Petition/Statistics/>). Некоторый временный спад числа обращений может быть обусловлен как изменением требований к их допустимости, так и увеличением размера судебных пошлин.

нормоконтроля в число процедур, предшествующих принятию конституционных поправок.²

В этих условиях особо актуализируется проблема обеспечения объективности и аргументированности, непротиворечивости и преемственности, открытости и доступности принимаемых органом конституционной юстиции решений. Указанные качества конституционно-судебной практики выступают залогом доверия к данному государственно-властному институту со стороны граждан и бизнеса, а равно позволяют минимизировать возможные конфликты с иными органами государственной власти. В свою очередь, именно высокий авторитет органа конституционной юстиции – в условиях неразвитости института принудительного исполнения его решений – является гарантией эффективной защиты и восстановления нарушенных конституционных прав и иных конституционных ценностей. Сказанное обуславливает необходимость изучения, критической оценки, систематизации и дальнейшего совершенствования не только правил и процедур конституционного судопроизводства, но и самих методов принятия решений (включая различные принципы, стандарты, тесты, доктрины), которые способны формализовать процесс выработки решений, поставив в разумные рамки свободу судейского усмотрения.

На доктринальном уровне актуальность предлагаемой автором темы исследования подтверждается появляющимися примерно с середины 2010-х годов диссертационными и монографическими работами, в фокусе внимания которых оказываются следующие частные вопросы: доказательства и доказывание в конституционном судопроизводстве; специфика аргументации конституционно-судебных решений; особенности толкования КС РФ норм конституционного права; влияние психологии на формирование правовой позиции судей и ряд других. В свою очередь, нормативным подтверждением актуальности настоящего исследования являются: закономерное признание на конституционном уровне в 2020 году такого типа итоговых решений Конституционного Суда, как постановление о выявлении конституционно-правового смысла нормы; фиксация таких конституционных принципов, как «сбалансированность прав и обязанностей

² Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Здесь и далее нормативные акты приводятся согласно Официальному интернет-порталу правовой информации (www.pravo.gov.ru).

гражданина», «экономическая, политическая и социальная солидарность»³, оказывающих прямое влияние на разрешение Судом коллизий конституционных ценностей.

Между тем, приходится признать, что проблематика методов принятия конституционно-судебных решений (включая их проектирование, обоснование, обнародование) пока не становилась предметом полноценного научного анализа. Как точно замечает в связи с этим академик Т.Я. Хабриева, «акты толкования Конституционного Суда всем доступны, чего нельзя сказать о применяемой им *методологии* [выделено мной – П.Б.] конституционного толкования. В этой связи заслуживает изучения опыт американских судов, в практике которых имеет место не только выработка критериев конституционного толкования, но и их систематизация и опубликование ...».⁴ Указанное подчеркивает актуальность исследования проблематики конституционно-судебной методологии в ракурсе конституционной компаративистики; это предполагает обращение к правовым системам иных стран, включая США и Германию (как представителей двух основных исторических моделей конституционной юстиции), а равно Францию, Бельгию, Италию, ЮАР, Израиль и др. Проведение сравнительно-правовых параллелей позволяет не только лучше осмыслить природу и назначение методов, применяемых судами, принадлежащими к разным правовым системам, но и сформулировать эмпирически обоснованные рекомендации по дальнейшему развитию и совершенствованию такого методологического инструментария.

Степень научной разработанности темы исследования. Несмотря на отсутствие комплексного (междисциплинарного и сравнительно-правового) исследования системы методов осуществления судебного конституционного нормоконтроля, отдельные используемые в практике конституционного правосудия методологически значимые подходы неоднократно оказывались в фокусе внимания ученых-конституционалистов, специалистов по процессуальному праву и теории права.

В частности, феномен правовых позиций Конституционного Суда РФ активно исследуется в отечественной научной литературе примерно с конца 1990-х годов.

³ Там же.

⁴ Хабриева Т.Я. Правовое государство: Вызовы времени и задачи конституционного правосудия // Конституционный контроль. М.: Норма, 2012. С. 104.

Особый интерес в этом плане представляют: ряд научных статей Н.В. Витрука, Г.А. Гаджиева, С.П. Маврина, В.В. Лазарева, О.В. Брежнева и М.С. Саликова, совместные работы К.В. Арановского и С.Д. Князева, учебные пособия Л.В. Лазарева и В.А. Кряжкова, докторская диссертация А.А. Петрова и кандидатская диссертация О.Н. Кряжковой.

Что касается явления конституционно-конформного истолкования, то ему, напротив, в российской научной литературе еще не уделяется достаточно серьезного внимания. В связи с этим заслуживают особого упоминания: научные статьи В.Д. Зорькина, В.А. Сивицкого и Н.Е. Таевой, отдельные главы монографий Н.С. Бондаря (в том числе в соавторстве с А.А. Джагаряном), а также сравнительно-правовое исследование П.А. Петровой.

Наконец, проблеме правомерного ограничения основных прав личности и связанному с ней вопросу балансирования ценностей посвящено значительное число научных работ, среди которых необходимо выделить по меньшей мере нижеследующие. Научные статьи В.В. Лапаевой, Н.В. Варламовой, С.А. Белова, М.А. Краснова, С.В. Пчелинцева, Г.А. Гаджиева, Т.Г. Морщаковой, курс лекций А.В. Ильина, докторская диссертация А.В. Должикова и кандидатская диссертация Ю.Д. Рудт.

Что же касается иных, исследуемых автором в главе 5, методов конституционно-контрольной деятельности, то следует выделить основополагающие для их изучения работы следующих авторов: В.А. Туманова и А.И. Ковлера (автономное толкование); А.А. Троицкой и Т.М. Храмовой (конституционные заимствования); Г.А. Гаджиева и А.Г. Карапетова (экономический анализ права); В.Д. Зорькина и Н.С. Бондаря (конституционно-судебные рекомендации).

Поскольку научным фундаментом многих отечественных исследований в сфере методологии конституционной юстиции стали исследования североамериканских и европейских ученых-юристов, они также широко используются в настоящей диссертации. В частности, в главе 2 автор включается в дискуссию между сторонниками дедуктивистского (Р. Дворкин и Р. Познер) и аналогического (Л. Уайнреб и К. Санстейн) подходов к прецедентному обоснованию судебных решений. В главе 3 излагаются полярные точки зрения на

то, является ли конституционное толкование актом познания (О. Пфферсманн) или актом волеизъявления (М. Тропер). В главе 4 автор критически осмысливает известный спор между сторонниками теории взвешивания ценностей (Р. Алекси и К. Мёллер) и приверженцами абсолютистского понимания прав личности (Р. Дворкин и Ю. Хабермас). В главе 5 в числе прочих вопросов отмечается полемика между идеологами экономического анализа права (Р. Познер и Р. Кутер), с одной стороны, и бихевиористской экономики (К. Санстейн и Р. Талер), с другой стороны.

Объектом исследования является комплекс общественных отношений, урегулированных нормами права, возникающих в связи с рассмотрением федеральным органом конституционной юстиции подведомственных ему дел (в частности, о проверке конституционности законов и иных нормативных актов) и формирующихся между Конституционным Судом Российской Федерации, заявителем (в частности, гражданами и организациями, судами общей или арбитражной юрисдикции), стороной, принявшей (подписавшей) оспариваемый нормативный акт, и иными участниками конституционного судебного процесса.

Предметом исследования являются: положения конституционного и отраслевого (профильного) законодательства; практика органов судебного конституционного контроля, а также судов общей и арбитражной юрисдикций; акты международного права и последующая практика их толкования и применения; достижения научной доктрины, а также официальные и иные статистические данные. С учетом сравнительно-правового и междисциплинарного характера исследования его предметом являются как отечественные, так и зарубежные нормативные, правоприменительные и доктринальные источники, а также труды в области философии (аксиологии, логики, герменевтики), юридической методологии и теории аргументации.

Цель и задачи исследования. С учетом заявленной в заглавии темы диссертационного исследования его *целью* является концептуальное построение теоретически согласованной и эмпирически обоснованной системы методов принятия (проектирования, обоснования, обнародования) органами конституционного судебного контроля решений по делам о проверке конституционности нормативных актов. Для достижения этой цели автором

поставлены и решены следующие *задачи*, которые в значительной мере обусловили структуру основной части работы:

- исследовать в сравнительном ключе основные исторические модели конституционной юстиции, выявив как отличающие их характеристики, так и общие закономерности их развития;
- раскрыть понятия «метод» и «методология» применительно к конституционной юстиции как научной дисциплине и как форме государственно-властной деятельности;
- дать исчерпывающее определение понятию «судебные правовые позиции», лежащему в основе ключевого метода аргументации конституционно-судебного решения;
- выявить и обосновать различия в способах конструирования правовых позиций, а также в способах их применения (адаптации) в последующих делах;
- раскрыть свойство неизменности правовых позиций и предложить обоснованный перечень случаев, когда правовая позиция может быть изменена (пересмотрена);
- соотнести конституционно-согласованное истолкование с иными методами конституционной корректировки нормы, а равно с традиционными способами (видами) толкования в праве;
- предложить обоснованную систему критериев (параметров), которым должно соответствовать конституционно-согласованное истолкование;
- рассмотреть механизм конституционно-согласованного истолкования в качестве средства судебной защиты в сравнительно-правовом ключе;
- проанализировать существующие стандарты ограничений прав как метод разрешения коллизий конституционных ценностей;
- проанализировать тест на пропорциональность как метод разрешения коллизий конституционных ценностей;
- сформулировать обоснованную модель оценки ограничений основных прав личности на основе конституционного принципа соразмерности (необходимости);
- исследовать цели, нормативные основания и сферу применения таких вспомогательных методов обоснования решений, как: автономное толкование

понятий, экономический анализ права, конституционные заимствования и конституционно-судебные рекомендации.

Методологическая основа исследования. В основе методологии настоящего исследования лежат, прежде всего, философские (мировоззренческие) категории – такие как «ценности», «справедливость», «равенство», «публичные и частные интересы», «общественное благосостояние» – которыми также оперирует юридическая, в том числе конституционно-правовая, наука.

Настоящее исследование базируется на общенаучных методах познания и способах построения умозаключений (таких как анализ и синтез; дедукция, индукция, аналогия и абдукция), причем преобладает индуктивный метод, позволяющий формулировать более общие положения (закономерности и тенденции развития конституционно-судебной практики) исходя из устойчивой совокупности частных наблюдаемых случаев (конституционно-судебных решений, особых мнений судей и др.).

Автором востребованы некоторые частнонаучные методы, применимые в отдельных научных дисциплинах, в том числе гуманитарного профиля (такие как включенное наблюдение, сбор и анализ статистики, интервьюирование и опрос). При этом предпочтение отдается включенному наблюдению как качественному методу исследования, позволяющему «изнутри» наблюдать правоотношения, являющиеся объектом исследования. Также автор активно прибегает к интервьюированию, выступающему ценным инструментом сравнительно-правового исследования.

Наконец, используются все основные специально-юридические методы (а именно юридико-догматический, сравнительно-правовой, историко-правовой, правового моделирования), среди которых особый акцент сделан на методе сравнительного правоведения, что предопределено избранной автором темой исследования и его предметом, при использовании также историко-правового метода, позволяющего проанализировать правовое регулирование и практику конституционного судебного нормоконтроля в динамике.

Кроме того, возможно выделить и те специально-юридические методы, которые используются в отдельных областях теоретической юриспруденции. В частности, к методам или, точнее, к этапам осуществления сравнительно-правового

анализа, использованным в данной работе, отнесем дескриптивный (институционально-описательный), контрастирующее сравнение (противопоставление) и ряд других.

Теоретическая основа исследования. Автор исследует и критически анализирует более 280 научных работ на русском языке и около 100 работ на английском и немецком языках, посвященных различным процедурам нормоконтроля, феномену судебных правовых позиций, приему конституционно-конформного истолкования и проблеме балансирования ценностей, а также иным, смежным вопросам конституционного судопроизводства.

В числе широко цитируемых в настоящей диссертации отечественных авторов следует особо упомянуть ученых – конституционалистов, специалистов по теории, философии и методологии права, сравнительному правоведению и международному праву: К.В. Арановский, С.А. Белов, А.Ю. Бергер, Н.С. Бондарь, О.В. Брежнев, Н.В. Варламова, Е.В. Васьковский, А.Н. Верещагин, Н.В. Витрук, Г.А. Гаджиев, Х.И. Гаджиев, Е.В. Гриценко, Д.И. Дедов, А.А. Джагарян, А.В. Должиков, В.Н. Дурденевский, В.Д. Зорькин, А.В. Ильин, С.М. Казанцев, А.Г. Карапетов, Д.А. Керимов, А.А. Клишас, С.Д. Князев, А.И. Ковлер, А.Н. Кокотов, И.А. Кравец, М.А. Краснов, В.А. Кряжков, О.Н. Кряжкова, В.И. Крусс, В.В. Лазарев, Л.В. Лазарев, В.В. Лапаева, А.А. Ливеровский, М.Б. Лобов, В.О. Лучин, С.П. Маврин, А.В. Мазуров, М.А. Митюков, Т.Г. Морщакова, С.В. Нарутто, Ж.И. Овсепян, А.А. Петров, А.Е. Постников, А.Г. Румянцев, М.С. Саликов, В.А. Сивицкий, А.А. Тилле, Е.В. Тимошина, Ю.А. Тихомиров, А.А. Троицкая, В.А. Туманов, А.Х. Ульбашев, И.А. Умнова (Конюхова), Т.Я. Хабриева, А.Ф. Черданцев, А.М. Чирнинов, Б.С. Эбзеев, Е.Н. Яркова.

Что касается зарубежных авторов, также цитируемых в настоящем исследовании, то среди них особо отметим следующих: Л. Александер, Р. Алекси, Р. Арнольд, У. Бернам, М. Бикел, А. Бланкенагель, Л. Брандейс, Ю. Брёмер, Э. Бйорге, Ф. Быдлински, П. Вальд, Р. Галлоуэй, А. Гардбаум, М. Гилберт, Т. Гроппи, Р. Дворкин, В. Джексон, Л. дю Плесси, Р. Иеринг, Б. Кардозо, Р. Келзо, Г. Кельзен, М. Косла, Р. Кросс, Р. Кутер, Э. Леви, Г. Летзас, Г. Люббе-Вольф, О. Люхтерхандт, А. Мавчич, К. Мёллер, Дж. Ст. Милль, Дж. Мэтьюс, А. Нуссбергер, Х.-Ю. Папир, Т. Перетти, Р. Познер, О. Пферсманн, Р. Ре, М. Розенфельд, К. Санстейн, А.

Скалиа, А. Стоун-Суит, М. Тропер, Л. Уайнреб, А. Фосскуле, Л. Фуллер, Р. Фэллон, Ю. Хабермас, В. Хейде, С. Цакиракис, А. Шайо, Ф. Шауэр, Б. Шлинк, К. Экштайн, А. Якоб.

Нормативную базу исследования составляют: Конституция Российской Федерации (с учетом последних поправок), Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», иные федеральные конституционные и федеральные законы, в частности процессуальные кодексы, Регламент Конституционного Суда Российской Федерации. Также автор опирается в работе на: конституционное законодательство ФРГ и Свод законов США, конституции Италии, Франции, ЮАР и нормативные правовые акты иных государств, Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (с протоколами) в ее истолковании Европейским Судом по правам человека, ряд иных международных актов о правах человека.

Эмпирическая основа исследования. В ходе проведения исследования автор приводит, анализирует и обобщает судебную практику Конституционного Суда РФ (около 200 постановлений и определений), а также Верховного Суда США и Федерального конституционного суда ФРГ (общим числом около 90 решений) и, кроме того, где это уместно, практику Европейского Суда по правам человека и национальных органов конституционной юрисдикции. Автор также использует статистические сведения, как доступные на официальных интернет-сайтах государственных органов, так и собранные им самостоятельно, посвященные отдельным аспектам деятельности названных органов судебного конституционного контроля, а равно материалы двух проведенных им письменных интервью с зарубежными учеными.

Научная новизна исследования. Главным научным достижением автора является концептуальное построение теоретически согласованной и эмпирически обоснованной системы взаимосвязанных и взаимообусловленных основных (главенствующих) и вспомогательных (субсидиарных) методов принятия решений органами судебного конституционного нормоконтроля.

При этом значительной новизной обладает и подход автора к традиционному для науки конституционного права понятийно-категориальному аппарату, включая авторские определения понятий «судебный конституционный нормоконтроль»,

«судебная правовая позиция», «конституционно-конформное истолкование», «принцип соразмерности ограничения прав» и т.д. Исследуемые в главах 2–5 диссертации методы осуществления судебного конституционного нормоконтроля рассматриваются как с формально-юридической точки зрения, так и через призму классической логики, юридической герменевтики, конституционной аксиологии. Благодаря этому автору удалось выявить и объяснить как общие тенденции развития методологического инструментария в разных правовых системах, так и частные различия, обусловленные спецификой сложившихся исторических моделей конституционной юстиции.

Проведенный анализ позволил предложить в работе приоритетные направления совершенствования отечественного конституционного судопроизводства (например, ограничить сферу применения приема конституционно-правового истолкования нормы, скорректировать порядок опубликования и вступления в силу постановлений и определений КС РФ, уточнить подход к оценке соразмерности ограничения прав заявителя в конкретном деле и др.).

Соответственно, научной новизной обладают все положения, выносимые на защиту по результатам проведенного диссертационного исследования, а также иные предложения автора по совершенствованию законодательства и судебной практики, обобщенно изложенные в заключении.

На основе выдвинутых автором гипотез, нашедших подтверждение в основной части настоящей работы, далее сформулированы следующие **основные положения, выносимые на защиту**:

1. Конституционный судебный нормоконтроль должен быть определен как урегулированная нормами права и осуществляемая в особой процессуальной форме государственно-властная деятельность, состоящая в оценке органами конституционной или эквивалентной юрисдикции законодательных актов (в некоторых случаях – также подзаконных актов) на предмет их соответствия основному закону государства (опосредованно – также нормам международного права) в целях подтверждения конституционности либо конституционно-правовой корректировки дефектной нормы, а также защиты и восстановления нарушенных

ее применением прав и свобод граждан, совершенствования нормативного регулирования, административной и судебной практики.

Предложенное определение понятия конституционного судебного нормоконтроля применимо как к континентально-европейской (кельзенской), так и англо-американской (традиционной), а равно смешанной (гибридной) историческим моделям конституционной юстиции, что обусловлено – несмотря на отличающие их характеристики – существенными сходствами между этими моделями. Такие сходства касаются: круга нормативных актов, выступающих надлежащим предметом нормоконтроля; контрольного масштаба или, иначе, оснований, по которым осуществляется нормоконтроль; разграничения нормоконтрольных полномочий внутри судебной системы, в том числе федеративных государств.

2. Установлено, что основные *цели* конституционного судебного нормоконтроля, прямо поименованные или вытекающие из норм конституционного законодательства, предполагают наличие *методов* (алгоритмов) их достижения, вырабатываемых в судебной практике и научной доктрине и позволяющих формализовать процесс принятия решения, разумно ограничив судейское усмотрение. Внутренне согласованная система таких методов, опирающихся на законы традиционной логики, достижения юридической герменевтики, положения конституционной аксиологии, иных научных и философских дисциплин, может именоваться методологическим инструментарием конституционного судебного нормоконтроля.

В числе таких методов предлагается условно выделять основные (главенствующие), являющиеся общими для исторических моделей конституционной юстиции: формирование и применение судебных правовых позиций как метод аргументирования решения; конституционно-согласованное истолкование нормы как приоритетный метод корректировки правового регулирования; применение принципа соразмерности как ключевой метод разрешения коллизии конституционных ценностей. С ними взаимосвязаны вспомогательные (субсидиарные) методы, которые не являются универсальными для исследуемых правовых систем ввиду их исторических, культурных и иных различий и которые включают в себя в частности: автономное толкование

конституционных понятий; экономический анализ норм конституционного права; осуществление конституционных заимствований; конституционно-судебные рекомендации.

3. Сформулировано следующее авторское определение судебных правовых позиций («*holding*» в североамериканском праве и «*tragende gründe*» в немецком праве): суждения органа конституционной юрисдикции, сделанные им при проверке конституционности норм и разрешении иных подведомственных дел, которые раскрывают (детализируют) смысл норм и принципов конституционного права, имеют прескриптивный (нормативно-обязывающий) характер для правотворческих и правоприменительных органов, а также подлежат учету им самим при разрешении аналогичных дел. Из предлагаемого определения с необходимостью следует, что феномен правовых позиций, относясь к методам аргументации решения, имеет не только формально-юридическое, но и логико-правовое содержание.

С одной стороны, правовые позиции обеспечивают логический переход от предельно абстрактных конституционных установлений к конкретному выводу относительно предмета спора, который в противном случае являлся бы *non sequitur* (лат. – не следующим из посылок), а потому произвольным; с другой стороны, они заключают в себе стандарты или правила поведения, применимые для разрешения новых дел, позволяя тем самым достичь преемственности судебной практики и реализовать принцип формального равенства. В связи с этим делается вывод о необходимости связывать момент вступления в силу всех постановлений Конституционного Суда РФ, а равно его определений, содержащих правовые позиции, с датой их официального опубликования, а не с днем их провозглашения или принятия, соответственно.

4. Доказательно обосновано, что судебная правовая позиция может и должна формулироваться органом конституционной юрисдикции – в зависимости от обстоятельств каждого дела – с большей степенью абстрактности (нормативной обобщенности) или, наоборот, конкретности (казуистичности). С учетом этого ее применение в будущих делах, с точки зрения направления логического следования, будет иметь вид дедуктивного умозаключения либо умозаключения по аналогии (последовательно сочетающего в себе черты неполной индукции и дедукции).

Соответственно, основанный на ней вывод по существу спора, с точки зрения степени достоверности умозаключения, в первом случае будет иметь истинный характер, а во втором – лишь правдоподобный.

Если определение круга охватываемых правовой позицией спорных правоотношений является достаточно обоснованным, то последовательное ее применение в новых делах формирует сложившуюся судебную практику; если она продемонстрировала свою избыточную широту, суд вынужден в новом деле прибегнуть к приему ее «сужения»; напротив, если она оказалась сформулирована излишне узко, вполне допустимо использовать прием ее «расширения», что соответствует известному в отечественной науке понятию «универсализации» правовой позиции. Что же касается пересмотра правовой позиции, то таковой возможен вне зависимости от указания на эту возможность в законе, однако лишь при наличии вынуждающих к тому обстоятельств:

- необходимость исправления допущенной ранее Судом ошибки в толковании и применении норм права;
- существенное изменение системы правового регулирования, в частности положений самой Конституции Российской Федерации;
- принятие межгосударственным органом решения, в котором констатируется нарушение Россией добровольно взятых ею на себя международно-правовых обязательств;
- коренная трансформация с течением времени тех общественных отношений, в сфере регулирования которых была высказана конкретная правовая позиция;

5. Установлено, что выявление конституционно-правового смысла (нем. «*verfassungskonforme Auslegung*» и амер. «*saving construction*») не является одним из известных способов толкования нормы, в частности системно-логическим, а является широко распространенным методом конституционно-правовой корректировки правового регулирования наряду с признанием нормы недействительной (не подлежащей применению). В связи с этим основанием такого истолкования выступает не просто юридико-техническая неопределенность нормы (ее двусмысленность, противоречивость, пробельность), которая подлежит устранению иными судами, но квалифицированная (конституционно-правовая)

неопределенность, которую может окончательно устранить только Конституционный Суд РФ. Соответственно, целью такого истолкования выступает не установление действительного (аутентичного) замысла законодателя, который подвергся искажению в ходе правоприменения, а придание норме – в системе действующего правового регулирования – такого смысла, который не расходился бы с Конституцией РФ.

6. В результате систематизации судебной практики и анализа научной доктрины установлено, что выявление КС РФ конституционно-правового смысла в типичных случаях означает уточнение (спецификацию) проверяемой нормы, а в некоторых случаях – восполнение существующего в системе правового регулирования пробела путем:

- указания на необходимые исключения из общего (недифференцированного) ограничительного регулирования;
- указания на дополнительные условия (правовые гарантии), при соблюдении которых допустимо некоторое правоограничение;
- исключения из сферы действия установленного нормой правоограничения отдельных категорий субъектов;
- распространения предусмотренных нормой прав (включая льготы) на отдельные категории не поименованных в ней субъектов;
- определения конституционно-допустимых темпоральных (временных) параметров действия ограничительного регулирования.

Поскольку в названных случаях стирается четкая граница между толкованием и правотворчеством, органу конституционной юстиции необходимо проявлять диктуемое конституционными принципами демократизма и разделения властей самоограничение при выборе метода реагирования на конституционный дефект. Исходя из выявленной двойственной природы конституционно-правового истолкования также предлагается устранить законодательный пробел в вопросе о том, какое публично-территориальное образование должно выступать ответчиком и какой орган публичной власти должен выступать от его имени по иску заявителя о компенсации вреда, причиненного неконституционным истолкованием нормы в его конкретном деле.

7. Доказано, что в делах о проверке конституционности нормы органами конституционной юрисдикции используются частично различающиеся, – что обусловлено различиями в правовых традициях государств, – методы определения сферы действия конфликтующих основных прав (т.н. первичное балансирование ценностей) и оценки правомерности ограничения этих прав в условиях их коллизии (т.н. вторичное балансирование). В Российской Федерации такой метод основывается на конституционном принципе соразмерности, функциональным аналогом которого являются тест на пропорциональность (*Verhältnismäßigkeitsprinzip*) в ФРГ и стандарты проверки ограничений прав (*standards of scrutiny*) в США.

Установлено, что подход российского Конституционного Суда включает в себя – помимо требования формальной законности ограничения – два материально-правовых критерия, а именно требование обоснованности (наличия правомерной цели) ограничения и требование его соразмерности (необходимости), что свойственно также подходу ВС США. При этом условие пригодности ограничения обычно не выделяется в явной форме, однако всегда подразумевается при установлении логической взаимосвязи между ограничением и его правомерной целью. Проверка же пропорциональности ограничения в узком смысле (т.н. взвешивание), свойственная германскому подходу, обычно не находит самостоятельного применения, поскольку это требовало бы вынесения субъективного суждения относительно иерархии конституционных ценностей, обычно не поддающихся соизмерению.

8. Автором предложен и обоснован ряд типовых критериев (факторов), подлежащих учету Судом при оценке соразмерности (необходимости) оспариваемого заявителем правоограничения. А именно в пользу несоразмерности, при прочих равных, обычно говорит следующее:

- недифференцированный (абсолютный) характер ограничения (запрета, санкции, меры принуждения);
- существенное негативное воздействие оспариваемой меры на иные – в дополнение к ограничиваемым – конституционные ценности;

➤ установление за правонарушение санкции равной по строгости или более строгой, нежели санкция за более тяжкое правонарушение (и наоборот). Напротив, о соразмерности ограничения, как правило, свидетельствует:

➤ предусмотренный законодательством набор сопоставимых правовых гарантий, призванных это ограничение компенсировать (смягчить);

➤ кратковременный характер действия ограничения, обусловленный событиями экстраординарного характера;

➤ смещение баланса интересов в пользу т.н. слабой стороны, имеющей меньше правовых и (или) фактических возможностей влиять на содержание регулируемого правоотношения;

➤ добровольное принятие на себя гражданином некоторых обременений, обусловленных приобретением специального правового статуса.

Поскольку оценка соразмерности (необходимости) ограничения обычно невозможна *ex ante* и *in abstracto*, так как зависит от того аспекта, в котором применена к заявителю и оспаривается им норма, то нуждаются в корректировке положения ФКЗ о КС РФ о том, что Конституционный Суд при принятии решения не связан как основаниями, так и доводами обращения, и, соответственно, о том, что Суд излагает в решении аргументы, опровергающие доводы стороны, лишь при необходимости.

9. Автономное толкование определено автором как основанный на принципах верховенства конституции и связанности государства основными правами метод толкования понятий (концепций), содержащихся в нормах конституционного права, как не совпадающих по своему объему с идентичными понятиями (концепциями), используемыми в нормах отраслевого законодательства. В некоторых случаях суду также требуется прибегнуть к автономному толкованию (в США – т.н. функциональная интерпретация) самих норм отраслевого законодательства с целью их конституционно-правового истолкования (например, понятие «заключение под стражу» в статье 1070 Гражданского кодекса РФ или понятие «судимость» в российском избирательном законодательстве).

С одной стороны, этот прием позволяет обеспечить всеобъемлющую и эффективную защиту основополагающих прав личности, не зависящую от отраслевого структурирования законодателем нормативного массива и от принятой

им специально-юридической терминологии; с другой стороны, он неизбежно ведет к размыванию сложившихся в научной доктрине границ между отраслями и институтами права, а значит к увеличению правовой неопределенности для субъектов регулируемых правоотношений. Вместе с тем, в случае применения этого приема в рамках национальной правовой системы, по убеждению автора, отсутствуют риски, существующие при толковании норм международного права и состоящие в выходе межгосударственного органа за пределы его договорной компетенции.

10. Метод экономического анализа права в конституционном правосудии основывается на следующем допущении: правовые нормы способны создавать стимулы для такого поведения рационально действующих субъектов правоотношений, которое приведет к наиболее эффективному распределению в обществе ограниченных ресурсов. Соответственно, органу конституционной юрисдикции следует избрать такой вариант решения – при наличии нескольких равно допустимых вариантов, – который будет отвечать требованию наибольшей экономической эффективности правового регулирования. Обосновывается, что данный прием, несмотря на критику, способен выступать в системе юридических методов вспомогательным инструментом как толкования нормы (а именно телеологического), так и разрешения конституционно-правовых коллизий (оценки соразмерности ограничения).

С одной стороны, применение этого метода в отечественном праве в целом согласуется с такой целью правовой политики, как создание условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан. С другой стороны, нельзя не учитывать, что максимизация экономического благосостояния не является единственной или основной целью правового регулирования во всех сферах общественных отношений. Поэтому применение данного метода представляется оправданным лишь при разрешении таких категорий дел, в которых являющиеся предметом спора блага могут быть выражены в денежной форме (конвертированы) и соизмерены друг с другом, в частности гражданских, налоговых, антимонопольных, страховых споров.

11. Под конституционным заимствованием следует понимать восприятие органом конституционной юрисдикции – как со ссылкой, так и без таковой –

практики иностранных судов (межгосударственных судебных учреждений) при толковании им конституционных норм и разрешении коллизий конституционных ценностей. Использование этого метода способствует решению следующих промежуточных задач: нахождение наилучшего варианта судебного решения; усиление аргументации принимаемого решения; иллюстрация наличия нескольких равно допустимых вариантов решения правовой проблемы; увеличение авторитета принимаемого решения в глазах профессионального сообщества; демонстрация приверженности правовым ценностям того или другого правопорядка и др.

С одной стороны, обращение Конституционного Суда РФ к зарубежной судебной практике согласуется с конституционными положениями о признании российского народа частью мирового сообщества, о защите прав и свобод личности согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. С другой стороны, применению рассматриваемого приема могут быть противопоставлены следующие две группы возражений: отсутствие демократической легитимности (поскольку заимствованные подходы основываются на нормах иностранного права и, более того, могут идти вразрез с конституционной идентичностью государства) и методологическая несостоятельность (поскольку ссылка на зарубежный опыт может иметь избирательный, нерелевантный, декоративный или ошибочный характер). С учетом изложенного, вопреки распространенной позиции, количество (частота) цитирований иностранного правового материала, само по себе, не может и не должно рассматриваться как показатель приверженности национального правопорядка общемировым правовым ценностям.

12. Конституционно-судебные рекомендации – это суждения органа конституционной юрисдикции относительно перспективных направлений совершенствования некоторого правового института, имеющие рекомендательный (ориентирующий) характер, сопровождающие резолютивный вывод решения и основанные на правовых аргументах в его мотивировочной части. Такие рекомендации могут включаться как в определение об отказе в рассмотрении обращения (о прекращении производства по делу), так и в постановление о (не)соответствии нормы Конституции Российской Федерации (о конституционно-правовом истолковании нормы). Данный прием следует рассматривать в качестве

элемента тактики судебного самоограничения, поскольку орган конституционной юрисдикции из нескольких возможных вариантов решения поставленной правовой проблемы выбирает наиболее щадящий для системы правового регулирования, сигнализируя при этом о вероятности признания нормы неконституционной в будущем.

С одной стороны, данный прием позволяет обеспечить постепенное (эволюционное) развитие законодательства и отказаться от решения судом политических по своей сути вопросов, что согласуется с идеей разделения властей и принципом народовластия. С другой стороны, в условиях недостаточного внимания законодательных и иных органов власти к таким рекомендациям и отсутствия каких-либо нормативных сроков их реализации права как заявителей, так и широкого круга лиц могут оказаться не защищенными своевременно. С учетом этого представляется возможным использовать данный прием лишь в тех исключительных случаях, когда вред общественным отношениям от немедленной конституционно-правовой корректировки дефектной нормы существенно превысил бы пользу.

Теоретическая и практическая значимость исследования. В результате проведенного автором диссертационного исследования заметно обогащается понятийно-категориальный аппарат такой подотрасли конституционного права, как конституционное судебное право и процесс, вводятся в научный оборот многочисленные иностранные доктринальные источники и правовые акты, проводятся сравнительно-правовые и историко-правовые параллели в правовом регулировании и практике конституционного правосудия в России, намечена программа дальнейшего междисциплинарного исследования применяемых в деятельности Конституционного Суда РФ методов.

Выносимые на защиту положения диссертационного исследования (включая предложения *de lege ferenda*) и содержащиеся в основной части работы суждения могут быть востребованы при совершенствовании нормативно-правового регулирования конституционного судопроизводства в России (включая Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» и Регламент Конституционного Суда Российской Федерации), а также

при принятии данным органом государственной власти судебных решений (как постановлений, так и определений).

Полученные автором результаты также могут быть использованы при преподавании в высших учебных заведениях как обязательных юридических дисциплин, в частности «Конституционное право России» и «Теория права», так и факультативных дисциплин, к числу которых можно отнести: «Сравнительное конституционное право», «Конституционное судопроизводство», «Механизмы защиты прав человека», «Юридическая техника», «Юридическая аргументация», «Проблемы теории права».

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Результаты настоящего исследования нашли отражение в ряде научных публикаций автора, а именно: 38 научных статьях (включая 27 в рецензируемых научных изданиях), главах 4 коллективных монографий и 1 монографии.

Апробация полученных автором результатов исследования имела место в ходе исполнения им должностных обязанностей главного консультанта и советника судьи Конституционного Суда РФ (2012-2023 г.), заместителя начальника управления Секретариата Конституционного Суда РФ (2023-н.вр.), а также в ходе чтения лекций и ведения семинарских занятий по дисциплинам «Конституционное право» (2013-н.вр.) и «Подготовка юридических документов» (2014-2019 г.) в качестве преподавателя, старшего преподавателя, доцента кафедры конституционного и административного права Юридического факультета НИУ «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург). Отдельные диссертационные положения были использованы при подготовке автором программ курсов названных учебных дисциплин.

Кроме того, основные выводы исследования были представлены автором в качестве докладчика и обсуждены на следующих научных мероприятиях: VIII международная конференция «Теоретическая и прикладная этика. Наследие Аристотеля и современная этика» (С-Пб., 2016); Петербургский международный юридический форум 9 ³/₄ (онлайн, 2021); XVIII Международная научно-практическая конференция «Налоговое право в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 2020 года» (онлайн, 2021); круглый стол Юридического факультета Южного федерального университета «Судебная практика в правовой

системе России: история и современность» (онлайн, 2023); XXI научно-практическая конференция «Налоговое право в решениях Конституционного Суда Российской Федерации» (М. – С-Пб., 2024); секция «Догматика публичного права: история и семантика понятий» в рамках международной конференции «Политический язык, языки политических теорий» (М., 2024); Общероссийское годовое собрание теоретиков права на тему «Систематизация законодательства: от устоявшихся концепций к современным новациям (к 100-летию со дня рождения И.С. Самощенко)» (М., 2025); XXII конференция «Налоговое право в решениях Конституционного Суда Российской Федерации» (М. – С-Пб. – Екб., 2025).

Обсуждение работы состоялось на совместных заседаниях Центра судебного права, Центра международного права и сравнительно-правовых исследований, Отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства, Отдела конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Структура исследования. Структура настоящей работы обусловлена избранной автором темой исследования и состоит из введения, основной части (5 глав, которые включают 15 параграфов), заключения, а также списка источников, которые цитируются или упоминаются в работе.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** к настоящей работе подробно обосновывается актуальность избранной темы исследования, описывается степень научной разработанности этой темы, формулируются предмет и соответствующий ему объект исследования, определяются цели и направленные на их достижение задачи исследования, обосновывается научная новизна проведенного исследования, указываются нормативная, эмпирическая и теоретическая базы выполненной работы, раскрываются методы проведенного научного исследования, формулируются основные положения, выносимые автором на защиту, а также обосновывается теоретическая и практическая значимость этих положений, подтверждаются достоверность и апробация результатов проведенного исследования.

Глава 1 «Судебный конституционный нормоконтроль и система методов его осуществления». В **параграфе 1** «Судебный конституционный нормоконтроль: различия и конвергенция основных исторических моделей» автор подробно

рассматривает конституирующие признаки континентально-европейской (кельзенской) и англо-американской (традиционной) исторических моделей конституционной юстиции в их сопоставлении с отечественной моделью конституционного судебного нормоконтроля. Автор приходит к выводу о том, что сложившиеся в науке представления о различиях этих двух моделей – как централизованной и децентрализованной, соответственно, – требуют уточнения исходя из федеративного характера судебных систем государств, с одной стороны, и тенденции к концентрации нормоконтрольных полномочий у высших судов федерального уровня, с другой стороны.

В частности, конституционный судебный нормоконтроль в США преимущественно является: а) рассредоточенным, б) конкретным, в) опосредованным, г) последующим и д) факультативным, что в совокупности формирует упомянутую англо-американскую модель. При этом Верховный Суд США осуществляет нормоконтрольную функцию в следующих случаях:⁵ при рассмотрении некоторых дел в качестве суда первой и последней инстанции (*original jurisdiction*), по ходатайству стороны об истребовании дела из апелляционного федерального суда или суда штата (*petition for a writ of certiorari*) и – в крайне редких случаях – в результате прямого апелляционного обжалования сторонами решения районного суда (*direct appeal*), а также по запросу апелляционного суда о правовом заключении по рассматриваемому делу (*certification*). Следовательно, хотя суды всех юрисдикций – как федерального уровня, так и уровня штатов – вправе затронуть т.н. конституционный вопрос, последнее слово в разрешении этого вопроса, с учетом инстанционного порядка пересмотра дел, остается за Верховным Судом.

Что касается Федерального конституционного суда ФРГ, то нормоконтроль осуществляется им на основании⁶ – помимо запросов уполномоченных субъектов, направляемых в абстрактном порядке, – индивидуальной конституционной жалобы в отношении нормативного акта, судебного решения или административного акта (*Verfassungsbeschwerde*) либо преюдициального запроса суда, рассматривающего конкретное гражданское, уголовное или иное дело (*Richtervorlage*). При этом

⁵ См., в частности, 28 U.S. Code, Part IV – JURISDICTION AND VENUE // <https://www.law.cornell.edu/uscode/text>.

⁶ См.: Gesetz über das Bundesverfassungsgericht (12.03.1951) // <https://www.gesetze-im-internet.de/bverfgg/BJNR002430951.html>.

контрольный масштаб, используемый а) Федеральным конституционным судом, б) конституционными судами земель и в) административными судами, различается в силу различий в их компетенции, притом что может совпадать предмет проверки (например, административный акт правительства земли); при этом решения названных специализированных судов могут быть, в свою очередь, обжалованы в ФКС ФРГ по мотивам их неконституционности. В итоге справедливым является утверждение о том, что конституционный судебный нормоконтроль, существуя на федеральном и региональном уровнях, в значительной степени сконцентрирован в руках одного органа судебной власти Германии.

Наконец, что касается Конституционного Суда РФ, то он осуществляет конституционный нормоконтроль преимущественно в связи с жалобами граждан (иностранцев и лиц без гражданства) и юридических лиц (иных объединений граждан), а равно в связи с запросами Верховного Суда РФ, судов общей и арбитражной юрисдикций, рассматривающих конкретное уголовное, гражданское или иное дело. При этом, несмотря на расширение круга подведомственных Конституционному Суду споров в результате конституционной реформы 2020 года, некоторые категории нормативных актов не могут быть проверены в порядке конституционного судопроизводства (муниципальные правовые акты; нормативные акты субъектов РФ, принятые в пределах их ведения, и акты органов исполнительной власти субъектов РФ⁷; акты ряда федеральных ведомств). В то же время, суды общей юрисдикции, рассматривая дела о признании некоторых таких актов незаконными и недействующими, могут применять нормы конституций (уставов) субъектов РФ, содержательно совпадающие с нормами федеральной Конституции. Кроме того, действующее правовое регулирование не исключает оценки названных категорий нормативных актов с точки зрения соответствия их непосредственно федеральной Конституции в порядке административного судопроизводства. По мнению автора, в целях корректного толкования и единообразного применения конституционных норм разумно обеспечить возможность проверки соответствующих судебных решений федеральным органом конституционной юстиции.

⁷ См.: определения Конституционного Суда РФ от 25.03.2021 № 534-О, от 05.12.2022 № 3212-О, от 30.03.2023 № 695-О, от 25.06.2024 № 1751-О и от 17.07.2025 № 1989-О // Здесь и далее решения Конституционного Суда РФ приводятся согласно его официальному интернет-сайту (<https://www.ksrf.ru/Decision/>).

Параграф 2 «Значение метода в теории и практике судебного конституционного нормоконтроля». Конституционное законодательство называет в качестве *целей* конституционного правосудия защиту основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечение верховенства и прямого действия Конституции на всей территории (часть 1 статьи 125 Конституции РФ, статья 1 ФКЗ о КС РФ). При этом правовое регулирование конституционного судопроизводства, содержащее в частности процессуальные и процедурные нормы, не позволяет составить полное впечатление о *методах* достижения означенных целей, которые вырабатываются в судебной практике и научной доктрине. Между тем, необходимость методологической базы не только для теоретико-правовых исследований, но и для прикладной юриспруденции (например, законотворчества, экспертизы) сегодня не ставится под сомнение.

В связи с этим автор предлагает эмпирически обоснованную и теоретически согласованную систему методов, используемых органами конституционной (эквивалентной) юрисдикции при проектировании, обосновании и обнародовании решений по делам о проверке конституционности нормы. В этой системе условно выделяются основные (главенствующие) и вспомогательные (субсидиарные) методы, находящиеся в состоянии взаимосвязи и взаимовлияния, действующие на разных уровнях («слоях») конституционно-судебной аргументации и решающие несовпадающие задачи.

К числу первых автор относит: формирование правовых позиций, их применение в аналогичных делах, адаптацию (расширение и сужение сферы действия) и пересмотр; выявление конституционного смысла нормы в качестве приоритетной формы конституционно-правовой корректировки дефектного регулирования; определение сферы действия основополагающего права, а также оценку обоснованности и необходимости (соразмерности) его ограничения.⁸ К числу вторых автор относит: автономное толкование конституционных понятий (концепций), экономический анализ норм конституционного права, обращение к

⁸ Сходное перечисление основных методологически значимых подходов дается здесь: Информация «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)», одобрена решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 // Официальный сайт Конституционного Суда РФ (<https://www.ksrf.ru/about/Maintenance/>).

опыту иностранных (межгосударственных) судов, формулирование конституционно-судебных рекомендаций в адрес органов публичной власти.

Указанные условные группы методов не изолированы друг от друга: так, например, автономное толкование нормы закона может выступать частным случаем (способом) ее конституционно-согласованного истолкования и сопровождаться конституционно-судебной рекомендацией в адрес законодателя. Сказанное лишь подтверждает, что перед нами не случайный набор, а внутренне согласованная система методов нормоконтрольной деятельности.

Глава 2 «Формирование и применение правовых позиций как ключевой метод судебной аргументации». В **параграфе 1** «Логико-правовая природа судебных правовых позиций» автор исходит из того, что правовые позиции содержатся в основном в постановлениях Конституционного Суда РФ (в мотивировочной части, а при выявлении конституционно-правового смысла нормы – также в резолютивной части) и в некоторых его определениях (констатирующих отсутствие оснований к рассмотрению дела и (или) недопустимость обращения). При этом выделение правовых позиций среди иных элементов решения возможно путем сочетания содержательного и юридико-технического критериев. Содержательный критерий сводится к оценке удельного веса некоторого суждения в системе аргументации: если при его изъятии будет невозможен обоснованный вывод о (не)соответствии нормы Конституции РФ, то мы имеем дело именно с правовой позицией. Юридико-технический критерий позволяет отграничить от правовой позиции вспомогательные доводы, которые обычно находятся не в начале, а в конце аргументационной цепочки и часто предваряются речевыми оборотами, подчеркивающими их второстепенный характер.

Смысловым аналогом термина «судебная правовая позиция» в североамериканском праве является понятие «*holding*» (суждение), близкое понятию «*ratio decidendi*» (обоснование решения) в английском праве и противопоставляемое понятию «*obiter dictum*» (попутно сказанное). Содержательно *holding* представляет собой умозаключение или ряд взаимосвязанных умозаключений, сделанных на основе анализа релевантных обстоятельств конкретного дела и отражающих правовой принцип, лежащий в основе решения и подлежащий применению при разрешении аналогичных дел. Юридико-технически

оно зачастую оформляется также как краткое резюме решения, которое, однако, не является его органической частью, а, скорее, представляет собой его реферат для удобства читателя.

В немецком юридическом словаре понятию «судебная правовая позиция» содержательно соответствует категория «несущие основания решения» (*tragende gründe*), которая широко используется в практике и доктрине и является частной по отношению к более общей легальной категории «правовое мнение» (*Rechtsauffassung*) сената Федерального конституционного суда ФРГ. Согласно господствующей доктрине, несущими основаниями решения именуют все те правовые аргументы, приведенные Судом и ведущие от конституционных норм к конкретным выводам по существу дела, в отсутствие которых такой вывод был бы невозможен. Значительной особенностью германского права является то, что такие положения обычно выносятся в число руководящих принципов решения, одобренных самим Судом и предваряющих текст этого решения.

Параграф 2 «Формы изложения и способы адаптации судебных правовых позиций» начинается с обоснования тезиса о том, что предмет рассмотрения дела Конституционным Судом и, соответственно, вывод в резолютивной части постановления обычно ограничены как содержанием оспариваемой в обращении нормы, так и тем аспектом, в котором эта норма применена в конкретном деле и оспаривается заявителем. Это, с одной стороны, обусловлено предписаниями части 3 статьи 74 и статьи 96 Закона о Конституционном Суде РФ, задающими пределы разбирательства, а, с другой стороны, объясняется тактикой судебного минимализма, состоящей в том, что судьи избегают слишком широких обобщений в отсутствие такой необходимости. Напротив, в качестве обоснования своего вывода Суд неизбежно вынужден использовать в мотивировочной части решения более абстрактные правовые положения (принципы, стандарты), вытекающие из норм Конституции РФ, международного права, предшествующей практики, научной доктрины.

Сторонники аналогического подхода к обоснованию (Л. Уайнреб и К. Санстейн) исходят из того, что в прецедентном праве суды применяют предшествующие решения непосредственно, сопоставляя фактические обстоятельства двух дел и – в случае отсутствия релевантных различий между

ними – распространяя *holding* из прежнего дела на новое. Сторонники же дедуктивистского подхода к обоснованию (Р. Дворкин и Р. Познер) настаивают на том, что для применения прежнего решения в новом деле – в том числе для определения релевантности таких различий – судья неизбежно должен обнаружить общий принцип или соображение правовой политики, на которых основано прецедентное решение. Представляется, что эти два подхода на практике сочетаются: в зависимости от того, с какой степенью абстрактности (нормативной обобщенности) или, наоборот, казуистичности (привязки к обстоятельствам дела) сформулирована судебная правовая позиция, зависит способ ее применения в аналогичных делах.

В праве США помимо следования судом прецеденту в аналогичном деле и различения нового дела с прецедентным широко известны и иные методологические приемы: сужение и расширение сферы действия прецедента. Эти приемы позволяют скорректировать прецедентное правило, которое было сформулировано излишне широко или, наоборот, чрезмерно узко, без необходимости его открытого пересмотра. На ряде конкретных примеров автор доказывает, что все эти техники востребованы в практике Федерального конституционного суда ФРГ и в практике российского Конституционного Суда,⁹ а значит не принадлежат только к области англо-американского (общего) права, что объясняется универсальными законами логики и закономерностями познавательной деятельности.

Параграф 3 «Свойство неизменности судебных правовых позиций и их пересмотр». С учетом изложенного выше, орган конституционной (эквивалентной) юрисдикции не может быть лишен возможности также подвергнуть пересмотру ранее высказанную им правовую позицию. Отсутствие такой возможности означало бы существенное умаление прерогатив судебной власти в сравнении с иными ветвями власти, могущими корректировать направление правовой политики. В то же время, исходя из принципов формального равенства, правовой определенности и защиты доверия (статьи 1, 15, 19 и 75.1 Конституции РФ), такой пересмотр может иметь место лишь в силу исключительных, объективно существующих обстоятельств. К числу таких обстоятельств автором предлагается

⁹ См. в кач. примеров: Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 № 4-П; Определение Конституционного Суда РФ от 09.02.2016 № 225-О.

относить существенное изменение системы правового регулирования (в первую очередь, норм самой Конституции РФ), необходимость исправить допущенную правовую ошибку и ряд других.

Сказанное косвенно подтверждается и тем, что Верховный Суд США не считает себя связанным собственными правовыми позициями – тем более основанными на нормах и принципах конституционного права, – и регулярно пересматривает свои прецеденты, руководствуясь при этом (далеко не всегда последовательно) выработанной им системой критериев для такого пересмотра.¹⁰ Что же касается немецкого Конституционного суда, то закон устанавливает специальную процедуру для случаев, когда один сенат этого Суда намерен отклониться от правовой позиции другого сената¹¹, к которой судьи прибегают исключительно редко, по-видимому, представляя изменение правовой позиции скорее как ее адаптацию.

В то же время автор признает, что существуют такие правовые позиции Конституционного Суда РФ, которые с течением времени приобрели аксиоматический (не требующий обоснования) характер и столь прочно укоренились в конституционно-судебной практике, что не должны подвергнуться пересмотру даже в случае изменения норм самой Конституции. К их числу автор относит, в частности, следующие: требование соразмерности как универсальный принцип публично-правовой ответственности; принцип добросовестности как один из принципов налоговых и иных правоотношений; принцип правовой определенности как одно из требований к качеству нормативно-правового регулирования. В американском праве такие позиции получили название «глубоко укоренившихся прецедентов»; схожее понятие в германском конституционно-правовом тезаурусе – сложившаяся практика.

Глава 3 «Конституционно-правовое истолкование нормы как приоритетный метод корректировки правового регулирования». **Параграф 1** «Понятие, эволюция и практика конституционно-правового истолкования» начинается с сопоставительного анализа типовых способов конституционно-правовой корректировки дефектной нормы, каждому из которых соответствует та или другая

¹⁰ Dobbs v. Jackson Women's Health Organization, 597 U.S. _ (2022) // Здесь и далее решения Верховного Суда США приводятся по Интернет-ресурсу: <https://supreme.justia.com/>.

¹¹ Gesetz über das Bundesverfassungsgericht (12.03.1951), § 16.

формула резолютивной части постановления. При этом автор выделяет – наряду с признанием нормы несоответствующей Конституции Российской Федерации, а также «расщеплением» вывода на подтверждающую и дисквалифицирующую части – выявление конституционно-правового смысла нормы. Указывается, что данный способ изначально не нашел позитивно-правового закрепления, а был выработан в практике самого Конституционного Суда РФ, что выступает одним из проявлений феномена «*Kompetenz-Kompetenz*» (нем.) или «*jurisdiction to determine jurisdiction*» (англ.), т.е. прерогативы суда самостоятельно уточнять границы нормативно установленной компетенции. Однако с принятием в 2020 году поправок к Конституции РФ и последовавшими за этим изменениями Закона о Конституционном Суде РФ, а также процессуальных кодексов данный тип постановлений был уравнен, с точки зрения их правовых последствий, с постановлениями о дисквалификации нормы.

Рассматриваемый прием находит свое логическое обоснование в опровержимой презумпции конституционности закона, которая является частным случаем презумпции добросовестности органов публичной власти. Другими словами, высокий суд исходит из предположения о том, что если правовое регулирование допускает несколько возможных вариантов прочтения, законодатель имел в виду тот из них, который наилучшим образом согласуется с буквой и духом основного закона. Данная презумпция основывается, в свою очередь, на том, что в ходе законотворческого процесса проводится правовая экспертиза законопроекта¹², его согласование с участниками этого процесса, институтами гражданского общества, что в совокупности позволяет обеспечить конституционный смысл принимаемых законоположений. Ввиду изложенного, по мнению автора, данная презумпция не имеет достаточных оснований в случае с нормами, принятыми в качестве поправок к законопроекту во II чтении, которые предметно не связаны с самим законопроектом и не были предметом обсуждения.

Наконец, в этом параграфе на ряде примеров исследуются достоинства и недостатки выявления конституционно-правового смысла нормы в сравнении с признанием нормы неконституционной. С одной стороны, этот прием позволяет избежать образования правового вакуума и, соответственно, ситуации, когда новое

¹² Часть 2 статьи 112 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (принят постановлением от 22.01.1998 № 2134-II ГД).

регулирование, во-первых, будет принято спустя продолжительный промежуток времени и, во-вторых, не будет в полной мере отвечать правовым позициям Конституционного Суда РФ. С другой стороны, такое истолкование в некоторых случаях может недостаточно хорошо сочетаться со всей системой правового регулирования и (или) быть некорректно воспринято правоприменительными органами (что было особенно характерно для т.н. «позитивных», а позднее – и «квазипозитивных» определений Суда).

Параграф 2 «Конституционно-правовое истолкование в системе способов (видов) толкования». Автор исходит из того, что Конституционный Суд РФ в своей практике задействует весь набор традиционных способов толкования норм права (грамматическое, системное, телеологическое и историческое). Основная гипотеза автора состоит в том, что конституционное-правовое истолкование не сводится к применению одного или нескольких перечисленных способов, поскольку играет иную роль в системе методов нормоконтрольной деятельности. Это связано в частности с тем, что границы такого истолкования задаются не текстом самой толкуемой нормы – что характерно для деятельности по толкованию, – а содержанием норм более высокого, конституционного, уровня.

Рассматривая конституционно-правовое истолкование через призму современных философско-правовых концепций, можно заметить следующее. Во-первых, этот прием находится, в целом, в русле идеологии постмодернизма, которая объявляет значение любого текста неисчерпаемым, волю создателя нормы – непознаваемой, а источником действительности права – авторитет толкователя. Во-вторых, этот прием подтверждает неореалистическую теорию толкования, согласно которой конституционное толкование есть акт волеизъявления судьи, а не только его познания; соответственно, истинным толкованием объявляется такое, которое дано компетентным судебным органом в установленной процедуре (М. Тропер).

Отмеченные тенденции, исходя из необходимости соблюдения принципов народного суверенитета (статья 3) и разделения властей (статья 10) Конституции РФ, вынуждают сформулировать ряд требований, которые должны предъявляться к конституционно-правовому истолкованию. А именно оно не должно: идти вразрез с волеизъявлением законодателя, выраженным в оспариваемой норме в системе

правового регулирования, вводить дополнительные ограничения основных прав личности сверх предусмотренных законом, выступать лишь одним из равно конституционно допустимых вариантов толкования. В отмеченных случаях Суду надлежит прибегнуть к иным способам конституционно-правовой корректировки дефектного регулирования.

Параграф 3 «Подходы к конституционно-правовому истолкованию в современном праве». В настоящем параграфе демонстрируется, что Федеральный конституционный суд ФРГ также использует несколько средств конституционной корректировки нормы: объявление неконституционной нормы недействительной (*nichtig*), декларация несовместимости (*Unvereinbarkeit*) оспариваемой нормы с Основным законом, т.н. предостерегающие решения (*Appelentscheidungen*) и, наконец, конституционно-конформное истолкование нормы (*verfassungskonforme Auslegung*). Показательным примером такого истолкования является дело, в котором оспаривалось требование Закона о собраниях к организатору публичного собрания или шествия подать уведомление о них не позднее, чем за 48 часов до их объявления; по мнению заявителя, данное требование делало невозможным проведение экстренных (срочных) публичных акций; Суд истолковал спорную норму как позволяющую в этом случае подать уведомление «так скоро, как только появится такая возможность», например, «в то же время, когда принимается решение о проведении собрания или, самое позднее, когда о нем объявляется».¹³ На основе анализа этой и иной практики ФКС ФРГ, германской научной доктрины автором подтверждается гипотеза о том, что конституционно-конформное истолкование не может считаться лишь частным случаем системно-логического толкования.

Что касается техник, используемых Верховным Судом США при оценке конституционности примененной в конкретном деле нормы, то они также могут быть сопоставлены с рассмотренными выше: признание нормы полностью недействительной (*facial invalidation*), признание ее недействительной в том аспекте, в котором она применена (*as-applied invalidation*), а также т.н. сохраняющее истолкование (*saving construction*), которое позволяет избежать постановки вопроса о неконституционности нормы без необходимости. Примером

¹³ 1 BvR 850/88 // Здесь и далее решения Федерального конституционного суда ФРГ приводятся согласно Интернет-ресурсу: <https://www.bundesverfassungsgericht.de/>.

такого истолкования может быть дело, в котором оспаривался Закон о всеобщей военной подготовке и службе, установивший право на отказ от военной службы по религиозным соображениям, основанным на «вере в Высший разум»; по мнению стороны спора, данное положение несправедливо лишало иммунитета от несения военной службы на основе политических, философских, этических убеждений; Суд счел, что данное положение также распространяется на лицо, «чьи убеждения, побуждаемые глубоко укоренившимися моральными, этическими или религиозными взглядами, не дали бы ему покоя, если бы оно позволило себе выступать орудием войны».¹⁴ С учетом проанализированной судебной практики и научных публикаций автор приходит к выводу о том, что сохраняющее истолкование является полноценным средством судебной защиты.

Глава 4 «Балансирование как универсальный метод разрешения коллизий конституционных ценностей». **Параграф 1** «Стандарты проверки правомерности ограничения основных прав и проблема определения границ этих прав». Данный параграф начинается с подробной характеристики тех стандартов, которые выработаны в практике Верховного Суда США для оценки правомерности вмешательства государства в права личности. Первый из них, минимальный стандарт проверки (*minimum scrutiny*), предполагает оценку судом наличия у ограничения некоторых разумных оснований и исторически связан со второстепенным положением отдельных прав в правовой системе. Так, применение данного стандарта в делах о нарушении права собственности и свободы договора, по-видимому, было вызвано активным участием государства в экономике в кризисные 1930-е годы; применение же его в делах о гендерной дискриминации было во многом обусловлено господствовавшим примерно до 1970-х годов традиционным взглядом на гендерные роли в обществе.

Напротив, стандарт строгой проверки (*strict scrutiny*) вырабатывался судебной практикой как реакция на недостаточную защиту «особо привилегированных прав». В одном прецедентном решении ВС США счел, что он применим к фундаментальным правам, в частности составляющим т.н. Билль о правах (первые десять поправок к Конституции США), а также к тем случаям, когда закон «направлен против определенных религиозных, национальных или расовых

¹⁴ *Welsh v. United States*, 398 U.S. 333 (1970).

меньшинств»¹⁵. С учетом этого данный стандарт требует, чтобы ограничительная мера: а) преследовала первостепенный общественный интерес, б) была вполне пригодной для защиты этого интереса и при этом в) являлась наименее обременительной из числа доступных мер.

Наконец, в диапазоне между этими стандартами проверки находится промежуточный стандарт (*intermediate scrutiny*), который стал применяться в делах о нарушении гендерного равенства с 1970-х годов, а также в делах об ограничении свободы коммерческой рекламы и в целом ряде иных дел, не затрагивающих «особо привилегированные права». При этом он требует – так же как и предыдущий стандарт, – чтобы ограничение было «точно скроенным» (*narrowly tailored*) для достижения искомой цели, однако предъявляет не столь строгие требования к значимости цели ограничения, обоснованию его эффективности и допустимости ограничительного воздействия.

Наличие в американской правовой доктрине условной градации конституционных ценностей и множественность существующих стандартов проверки их ограничений позволяют объяснить принятый здесь т.н. категориальный (более формализованный) подход к вопросу о том, какие именно правопритязания входят в объем того или иного права, защищаемого федеральной Конституцией. Показательным примером является выделение в прецедентной практике – не свойственное странам континентально-правовой семьи – тех категорий высказываний, которые *a priori* находятся за пределами действия Первой поправки к Конституции США (провоцирующие ответное насилие, призывающие к противоправным действиям и ряд иных).

Параграф 2 «Тест на пропорциональность ограничения основных прав и проблема абсолютизации этих прав». В данном параграфе демонстрируется, что в германской правовой науке, напротив, догматический вопрос о механизме действия основных прав в целом имел большее значение, чем прагматический вопрос о сфере действия того или иного права в частности. Так, значительное внимание уделялось: подразделению единого правового статуса личности – восходящему к трудам Г. Еллинека – на негативный, позитивный и активный компоненты; проблеме т.н. непрямого горизонтального воздействия

¹⁵ United States v. Carolene Products Co., 304 U.S. 144 (1938).

конституционных прав на правовое регулирование частноправовых отношений; вопросу об абсолютных, т.е. не подлежащих ограничению правах (в частности, праве на человеческое достоинство, из которого выводятся запрет пыток и рабского труда, «право на надежду» и др.).

В значительной степени с этими особенностями германской конституционно-правовой доктрины связан и методологический инструментарий оценки правомерности ограничения основных прав. Так называемый тест на пропорциональность (*Verhältnismäßigkeitsprinzip*), имеющий универсальный характер – не считая упомянутого обособления абсолютных прав, – предполагает последовательную проверку соблюдения следующих критериев правоограничения:

во-первых, ограничение должно преследовать какую-либо законную или, более точно, правомерную цель;

во-вторых, ограничение должно быть уместным или, иначе, потенциально пригодным для достижения этой цели;

в-третьих, ограничение должно быть строго необходимым (минимально возможным) для достижения заявленной цели;

в-четвертых, ограничение должно отвечать требованию пропорциональности в узком смысле или, иначе, соразмерности между причиняемым правам ущербом и достигаемым полезным результатом.

С одной стороны, в рамках этого теста изначальные границы основополагающего права проводятся менее скрупулезно, нежели в случае с американским подходом; одновременно на первоначальном этапе оценки не обсуждается важность конкурирующего интереса, подлежащего защите (например, «устойчивость системы здравоохранения»¹⁶). С другой стороны, характер ограничиваемого права и значимость цели ограничения подлежат учету на этапе анализа пропорциональности в узком смысле. Указанный подход к взвешиванию ценностей получил доктринальное обоснование и был схематически изложен философом права Р. Алекси в его «формуле веса», чему оппонировал политический философ Ю. Хабермас, рассматривающий права в качестве «защитных барьеров», способных противостоять любым коллективным интересам. В данном параграфе

¹⁶ См.: 1 BvR 971/21, 1 BvR 1069/21.

автор подвергает критике оба указанных подхода как содержащие в себе логические изъяны и являющиеся трудно применимыми на практике.

Параграф 3 «Особенности балансирования основных прав и иных конституционных ценностей в практике Конституционного Суда РФ». Автор исходит из того, что вопрос об изначальных границах конституционных прав не получил в отечественной литературе столь же пристального внимания, как вопрос о механизме правомерного ограничения этих прав. В значительной степени это связано с тем, что российский Конституционный Суд с достаточно либеральных (прогрессивных) позиций оценивает то или иное правопритязание индивида как относящееся к сфере действия одного из таких прав, за исключением т.н. социальных прав¹⁷. При этом, если границы права очерчены явным (эксплицитным) образом – как в случае с запретом общественных объединений, преследующих экстремистские цели (статья 13 Конституции РФ), – можно вести речь о «первичном балансировании» ценностей самим конституционным законодателем. Когда же речь идет о выявлении путем толкования подразумеваемых (имплицитных) границ права – как в случае с высказываниями, представляющими собой оскорбления¹⁸, – можно говорить о таком «первичном балансировании», осуществляемом органом конституционной юрисдикции.

Что касается «вторичного балансирования» (согласования) основных прав и иных конституционных ценностей, осуществляемого КС РФ при разрешении дел о нормоконтроле, то его нормативным основанием является нашедший отражение в Конституции РФ принцип соразмерности (часть 3 статьи 17, статья 55 и др.). В силу этого принципа ограничение конституционного права должно не только отвечать требованию формальной законности (основываться на норме федерального закона), но и соответствовать критериям обоснованности (преследовать потенциально достижимую правомерную цель) и соразмерности (быть строго необходимым для достижения этой цели), не допуская тем самым умаления (отмены) этого права (лишения его функционального содержания). Справедливость предложенного определения подтверждается как практикой

¹⁷ См. в подтв.: определения Конституционного Суда РФ от 11.05.2006 № 88-О, от 03.03.2015 № 431-О, от 02.04.2019 № 854-О и др.

¹⁸ Постановления Конституционного Суда РФ от 25.05.2021 № 22-П и от 19.11.2024 № 53-П.

самого Конституционного Суда¹⁹, так и теми научными взглядами, согласно которым российский эквивалент немецкого теста на пропорциональность и американских стандартов проверки имеет двухзвенную структуру.

Обоснованность ограничения обычно очевидна в горизонтальных (частноправовых) отношениях, стороны которых легко поддаются идентификации и являются непосредственными выгодоприобретателями от ограничения прав друг друга (отношения типа «акционерное общество – акционер», «должник – кредитор», «истец – ответчик» и т.п.). Понятие же баланса частных и публичных интересов уместно тогда, когда между носителями разнонаправленных интересов не существует конкретного правоотношения, а ограничение прав одного лица опосредованно и отдаленно служит выгоде широкого круга лиц (уплата гражданами фискальных платежей, запрет или нормирование экологически вредной деятельности, декларирование публичными служащим доходов и расходов и т.п.). В отдельных случаях наличие некоторого публичного интереса Судом подразумевается, однако то, каков этот интерес и как он соотносится с перечисленными в Конституции ценностями, в решении не раскрывается.

В большинстве случаев Конституционный Суд последовательно оценивает не только обоснованность ограничения, но и его соразмерность (необходимость). Вместе с тем, в некоторых случаях, в частности касающихся запрета публичных мероприятий²⁰, противодействия экстремизму²¹, ограничения пассивного избирательного права²², оценка соразмерности ограничения не находит отражения в тексте решения. В указанных случаях применяемый Судом тест в наибольшей степени соответствует американскому стандарту *minimum scrutiny*, который, однако, не применяется к делам о политических правах. По мнению автора, самостоятельная оценка соразмерности (необходимости) ограничения должна осуществляться во всех случаях, когда вопрос о несоразмерности ограничения в конкретном аспекте ставится в обращении заявителя либо когда обнаруживается очевидная (явная) несоразмерность ограничения на этапе предварительного рассмотрения обращения.

¹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2023 № 41-П и другие.

²⁰ Напр., Определение Конституционного Суда РФ от 20.07.2021 № 1680-О.

²¹ Напр., Определение Конституционного Суда РФ от 22.12.2015 № 3024-О.

²² Напр., Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2022 № 1710-О.

Глава 5 «Вспомогательные методы, используемые органами судебного конституционного нормоконтроля». **Параграф 1** «Автономное толкование понятий в системе способов толкования правовых норм» начинается с краткого обзора нормативной основы, целей и сферы применения рассматриваемого интерпретационного приема как в практике Европейского Суда по правам человека, так и в практике Конституционного Суда Российской Федерации. При этом отмечается, что если ЕСПЧ использует автономное толкование Конвенции обычно для разрешения вопроса о приемлемости жалобы *ratione materiae* (с точки зрения предмета дела), то КС РФ оперирует им уже при рассмотрении дела по существу и оценке оспариваемого законоположения на соответствие Конституции. Обращаясь к таким фундаментальным правовым категориям, как «лишение свободы», «заключение под стражу» или «имущество», «собственность», оба суда руководствуются преимущественно целевым (телеологическим) способом толкования, что позволяет исправить явную неудовлетворительность результатов, достигаемых с помощью грамматического и системного толкования. Как правило, это ведет к распространительному пониманию данных терминов и концепций по сравнению с тем, как они трактуются в национальном (отраслевом) законодательстве, что позволяет обеспечить всеобъемлющую, беспробельную защиту основополагающих прав личности.

Здесь же автор выдвигает и доказывает гипотезу о том, что в праве США – ввиду как изолированности его от европейского конвенционного права, так и отсутствия строго отраслевого размежевания всего корпуса законодательства – не сложилось полноценного смыслового эквивалента приема автономного толкования; что же касается немецкого Конституционного суда, который не воспринял рассматриваемый подход ЕСПЧ, – что может быть вызвано уважением к сложившимся в научной доктрине дефинициям и классификациям, – то он тем не менее обеспечивает соблюдение вытекающих из международного права обязательств на основе принципа пропорциональности.

Параграф 2 «Экономический анализ права как способ толкования норм и балансирования конституционных ценностей». Как в отечественной, так и в зарубежной науке устоялось представление о том, что экономический анализ права зиждется на следующих трех постулатах: во-первых, о рациональном поведении

индивида, стремящегося своими действиями максимизировать собственное благосостояние (*homo economicus*); во-вторых, о том, что правовые нормы, включая создаваемые судами прецеденты, способны выступать как позитивным, так и негативным стимулом для поведения индивидов; в-третьих, о наиболее эффективном распределении в обществе ограниченных ресурсов как об основной задаче социальных институтов, включая правовую систему. Автор рассматривает целый ряд примеров, когда экономико-правовые соображения предопределили либо содержательно совпали с формально-юридическими аргументами, которые Конституционный Суд РФ использовал при разрешении конкретных споров: изъятие имущества для публичных нужд, штрафные (статутные) убытки в сфере *IP*, распределение рисков между участниками банковских отношений.

Отмечая, что в немецком конституционном праве метод права и экономики не получил широкого применения, что может быть вызвано влиянием трагических событий первой половины XX века на развитие правовой философии и особой ролью правовой доктрины, автор демонстрирует, что в практике Верховного Суда США этот метод, напротив, оказался достаточно широко востребован даже за пределами чисто экономических споров (например, в вопросах смертной казни), что, в свою очередь, может объясняться влиянием философии утилитаризма И. Бентама и последующим движением правового реализма.

Параграф 3 «Обращение к иностранной судебной практике в структуре судебной аргументации». В этом параграфе автор, основываясь на судебной практике и наблюдениях ученых-компаративистов, исходит из того, что обращение конституционного суда к опыту зарубежных (международных) судебных (квазисудебных) органов может преследовать одну или несколько целей, включая нахождение наилучшего обоснования принимаемого судебного решения, демонстрацию приверженности правовым ценностям того или другого правопорядка и др. При этом данный прием может быть востребован как при выявлении границ сферы действия того или иного конституционного права, так и для оценки соразмерности (справедливости) ограничения, предусмотренного оспариваемой нормой. Анализ практики Конституционного Суда РФ позволил прийти к выводу о том, что за последние 5 лет наметилась тенденция сокращения прямых ссылок на иностранный опыт, которые используются в исключительных

случаях обычно в решениях по остросоциальным вопросам, что может быть вызвано не только геополитическими процессами, но и тематикой дел, составляющих большую часть повестки.

В практике Верховного Суда США – притом что конституционное право этой страны достаточно закрыто от влияния на него иностранных элементов – существуют два типичных случая конституционного заимствования: во-первых, толкование сферы действия «личной свободы», провозглашенной в т.н. *Due Process Clauses* (оговорки Конституции о надлежащей правовой процедуре); во-вторых, оценка уголовных наказаний в качестве запрещенных VIII поправкой к Конституции «необычных и жестоких» наказаний. Что же касается практики Федерального конституционного суда ФРГ, то она значительно более открыта внешнему влиянию – причем по вопросам толкования и оценки ограничения как личных, так и политических прав, – хотя конституционное заимствование здесь осуществляется, по-видимому, без прочной методологической основы, в зависимости от потребностей каждого конкретного дела.

Параграф 4. «Конституционно-судебные рекомендации в системе способов корректировки правового регулирования». В практике Конституционного Суда РФ конституционно-судебные рекомендации находят широкое применение и могут быть условно классифицированы на: содержащиеся в определениях и в постановлениях; сопровождающие вывод о конституционности нормы или о конституционном дефекте таковой; обращенные к законодательным либо к исполнительным органам власти; имеющие абстрактный (обобщенный) или конкретный (детализированный) характер. Обоснованием этого приема, по мнению автора, является представление о судебной сдержанности (*judicial restraint*), по смыслу которого орган конституционной юстиции: а) не рассматривает преимущественно политических по своей сути вопросов, а разрешает лишь вопросы права; б) из нескольких вариантов реагирования на правовую проблему выбирает наиболее щадящий для правовой системы. Соответственно, данный методологический подход является одним из способов поддержания диалога с законодателем и иными органами власти и не может рассматриваться как самостоятельное средство судебной защиты прав и (или) корректировки правового регулирования.

В практике Верховного Суда США рекомендательные положения – за редкими исключениями – не находят применения, поскольку господствующая доктрина исходит из представления о том, что суд разрешает лишь наличный правовой спор между сторонами и не высказывает суждений, могущих быть проигнорированными или пересмотренными иными органами власти. Что касается практики ФКС ФРГ, то – хотя в научной доктрине такие рекомендательные положения иногда связываются с т.н. предостерегающими решениями, – в действительности последние мало чем отличаются от всех прочих решений кроме отсроченного действия их законной силы, а потому не могут считаться рекомендательными. Некоторый интерес в этом смысле представляет опыт итальянской конституционной юстиции, который исследуется в основной части работы.

Заключение содержит основные выводы, сделанные на основе содержания всех пяти глав настоящей работы, а также предложения *de lege ferenda*, направленные на совершенствование законодательства о конституционном судопроизводстве в России.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:
Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, указанных в перечне Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. О некоторых проблемах, связанных с издержками на обращение в Конституционный Суд РФ с жалобой на нарушение законом конституционных прав и свобод / Блохин П.Д. // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 4. С. 111-121 (1,1 п.л.).

2. Реформа судебной власти в Венгрии и европейские стандарты справедливого правосудия / Блохин П.Д. // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 5. С. 67-84 (2 п.л.).

3. Устройство Федерального конституционного суда ФРГ: отдельные организационные, психологические и процессуальные аспекты / Блохин П.Д. // Вопросы правоведения. 2014. № 4. С. 374-406 (1,7 п.л.).

4. Конституционная жалоба в Республике Словения с точки зрения проблемы доступа к правосудию / Блохин П.Д. // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1. С. 138-148 (1 п.л.).
5. Защита основных прав средствами конституционного правосудия в Германии / Блохин П.Д. // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 3. С. 81-104 (2,3 п.л.).
6. Судебный контроль законодательства в Королевстве Бельгия: от конституционного арбитража к конституционному правосудию / Блохин П.Д. // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 4. С. 62-83 (2,1 п.л.).
7. О спорных моментах в понимании института *amicus curiae* и его возможного облика в российском конституционном судопроизводстве / Блохин П.Д. // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 1. С. 130-143 (1,4 п.л.).
8. Индукция, аналогия, интуиция в конституционно-судебном познании: попытка логико-правового исследования / Блохин П.Д. // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 2. С. 11-23 (1,8 п.л.).
9. Двойной юбилей: Конституционное правосудие на службе прав человека / Блохин П.Д. // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 2. С. 117-141 (2,6 п.л.).
10. Виляет ли хвост собакой? Ответ на статью И. Григорьева «Роль секретариата в работе российского Конституционного Суда: фильтрация или амортизация?» / Блохин П.Д. // Социология власти. 2016. № 3. С. 15-33 (1 п.л.).
11. Аналогия в праве и судебный прецедент: Сравнительно-правовые параллели. Часть 1 / Блохин П.Д. // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 3. С. 29-38 (0,9 п.л.).
12. Аналогия в праве и судебный прецедент: Сравнительно-правовые параллели. Часть 2 (Окончание) / Блохин П.Д. // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4. С. 29-38 (1,3 п.л.).
13. Судебная доктрина конституционной идентичности: генезис, проблемы, перспективы / Блохин П.Д. // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 6. С. 62-81 (2 п.л.).

14. Отдельные насущные вопросы конституционного судопроизводства (попытка «творческого» осмысления) / Блохин П.Д. // Журнал конституционного правосудия. 2019. № 2. С. 1-13 (1,8 п.л.).
15. Автономное толкование понятий в практике Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ: сравнительное исследование / Блохин П.Д. // Закон. 2019. № 6. С. 61-76 (1,5 п.л.).
16. «Вавилонское столпотворение»: комментарий к практике автономного толкования норм Европейской Конвенции и российской Конституции / Блохин П.Д. // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 6. С. 106-120 (1,5 п.л.).
17. Участие Конституционного Суда РФ в деле формирования единообразной судебной практики / Блохин П.Д. // Закон. 2020. № 1. С. 85-97 (1,3 п.л.).
18. О некоторых прикладных вопросах конституционного правосудия (на материале судебной практики) / Блохин П.Д. // Журнал конституционного правосудия. 2020. № 4. С. 21-28 (1 п.л.).
19. Есть ли место экономическому анализу в теории и практике конституционного правосудия? / Блохин П.Д. // Закон. 2020. № 12. С. 86-100 (1,5 п.л.).
20. Экономический анализ в публичном праве: от теории к практике / Блохин П.Д. // Закон. 2021. № 11. С. 97-105 (0,9 п.л.).
21. Как много — избыточно? К формированию судебной доктрины соразмерности налогового бремени / Блохин П.Д. // Журнал конституционного правосудия. 2021. № 4. С. 17-23 (0,8 п.л.).
22. Конституционный суд, недобросовестная конкуренция и экономика права / Блохин П.Д. // Закон. 2022. № 3. С. 218–222 (0,3 п.л.).
23. Структура основных прав и их правомерное ограничение: российская конституционная модель / Блохин П.Д. // Закон. 2022. № 12. С. 14-33 (2 п.л.).
24. О функциональном назначении части 2 статьи 74 Закона о Конституционном Суде РФ и ее взаимосвязи с требованием исчерпания средств судебной защиты / Блохин П.Д., Гаджиев Г.А. // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 5. С. 1-6 (0,6 п.л.).

25. Принцип защиты доверия и доктрина законных ожиданий в налоговом праве (начало) / Блохин П.Д. // Налоговед. 2024. № 7 (0,3 п.л.).

26. Принцип защиты доверия и доктрина законных ожиданий в налоговом праве (окончание) / Блохин П.Д. // Налоговед. 2024. № 8 (0,4 п.л.).

27. Феномен конституционно-согласованного истолкования в современном праве / Блохин П.Д. // Журнал конституционного правосудия. 2025. № 4 (0,9 п.л.).

Статьи, опубликованные в иных научных журналах и изданиях:

28. Процессуальные сроки в конституционном судопроизводстве в Российской Федерации: некоторые вопросы правового регулирования и практики / Блохин П.Д. // Конституционное правосудие: Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2012. № 2 (0,1 п.л.).

29. Деятельность Секретариата Конституционного Суда Российской Федерации по рассмотрению жалоб граждан и их объединений: проблемы компетенции / Блохин П.Д. // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 1 (1,2 п.л.).

30. Проблема аналогии в конституционном судопроизводстве в контексте дискуссии о юридической природе решений Конституционного Суда РФ / Блохин П.Д. // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 4 (1,6 п.л.).

31. О трудностях согласования конституционного права и международного права прав человека и о том, как российский Конституционный Суд едва не стал ревизионной инстанцией / Блохин П.Д. // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2013. № 3 (2,2 п.л.).

32. Аналогия и "ведущие основания решения" в конституционном правосудии / Блохин П.Д. // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 4 (1,2 п.л.).

33. Конституционный совет Франции как орган конституционного правосудия: некоторые наблюдения по итогам предшествующих пяти лет деятельности / Блохин П.Д. // Конституционный совет Франции на современном этапе: сборник статей. М. Издательство «Юрист», 2015 (1,7 п.л.).

34. Специализация судебной системы на высшем уровне: ретроспектива / Блохин П.Д., Замышляев Д.М. // Вестник Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. 2015. № 20 (1,2 п.л.).

35. Экономические доводы в конституционном и административном судопроизводстве / Блохин П.Д. // В кн.: Ежегодник конституционной экономики 2019 (под ред.: Г. А. Гаджиев). М. : Лум, 2019 (1 п.л.).

36. Пять тезисов о роли практики Конституционного Суда РФ в системе правового регулирования здравоохранения / Блохин П.Д. // Медицинское право. 2020. № 1 (1 п.л.).

37. Умножение сущностей: обращение Конституционного Суда РФ к международной (зарубежной) судебной практике / Блохин П.Д. // Вестник исполнительного производства. 2021. № 3 (0,5 п.л.).

38. «Новый» конституционный принцип социально-экономической солидарности / Блохин П.Д. // ARS IURIS : сборник научных статей к юбилею Г. А. Гаджиева / Под общ. ред.: П. Д. Блохин, А. В. Ильин, Д. В. Тютин. М. : Статут, 2023 (0,7 п.л.).

Монографии (главы в коллективных монографиях):

39. Как защитить свои права в Конституционном Суде. Практическое руководство по обращению с жалобой в Конституционный Суд России / Блохин П.Д., Кряжкова О.Н. М. : Институт права и публичной политики, 2014 (11,2 п.л.).

40. Аргументация в праве и морали. Коллективная монография / Под ред. Е.Н. Лисанюк. — СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2018 (0,7 п.л.).

41. Судебные доктрины в российском праве: теория и практика проявления / Отв. ред.: Х. И. Гаджиев, В. В. Лазарев. М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2020 (0,7 п.л.).

42. Методы конституционного правосудия. Опыт России, Германии и США : монография / Блохин П.Д. М. : Издательство Проспект, 2024 (11,7 п.л.).

43. Нормативность в праве: понятие, интерпретации, соотношение с другими правовыми свойствами: коллективная монография / под ред. И.И.Осветимской, Е.Г.Самохиной. — СПб: Скифия-принт, 2024 (0,4 п.л.).